

ПРОБЛЕМА ПОИСКА ЛИЧНОСТНЫХ СМЫСЛОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. А. Радугин

*Воронежский государственный архитектурно-строительный
университет*

Поступила в редакцию 29 апреля 2014 г.

Аннотация: *в статье исследуются альтернативные практики обретения личностных смыслов. Одни из них, по мнению автора, носят суррогатный, замещающий подлинные смыслы характер, препятствуя самореализации личности, другие создают предпосылки для перспективного развития и самоутверждения.*

Ключевые слова: *личностные смыслы, жизненные практики, аномия, экзистенциальный вакуум, похоть, «Царствие Божие внутри нас».*

Abstract: *the article investigates alternative practices in gaining personal meanings. Some of them, according to the author, have ersatz character, preventing self-identification, others create conditions for long-term development and self-empowerment.*

Key words: *personal meanings, life practices, anomie, existential vacuum, lust, «The kingdom of God is within us».*

Поиск личностных смыслов, и в том числе смысла жизни, является вечной проблемой человеческого существования. Независимо от социального контекста в определенных обстоятельствах перед индивидом она становится актуальной для разработки жизненной стратегии. В современном обществе под влиянием различных дегуманизирующих процессов эта проблема приобретает особую остроту [1].

Рассмотрим проблему поиска личностных смыслов с позиций анализа жизненных практик преодоления экзистенциального вакуума и аномии.

Выдающийся представитель гуманистической психологии Виктор Франкл рассматривает стремление к поиску и реализации человеком смысла своей жизни как врожденную мотивационную тенденцию, присущую всем людям и являющуюся основным двигателем поведения и развития личности. Из жизненных наблюдений, клинической практики и разнообразных эмпирических данных Франкл делает вывод: для того чтобы жить и активно действовать, человек должен верить в смысл, которым обладают его поступки. По мнению Франкла, смысл – это то, что имеется в виду человеком, который задает вопрос, или ситуацией, которая тоже подразумевает вопрос, требующий ответа. Этот вопрос обобщенно можно сформулировать: «Зачем?». А реализация ответа на этот вопрос находится в плоскости «Как». Смысл – это всякий раз также и конкретный смысл конкретной ситуации. Это всегда «требование

момента», которое, однако, всегда адресовано конкретному человеку» [2, с. 29–30]. Иными словами, можно сказать, что смысл – это ответ личности на вызов, который бросает ей ситуация.

Разъясняя свою позицию в отношении проблемы поиска личностных смыслов, включая и смысл жизни, Франкл подчеркивал: «Надо выучить самим и объяснить сомневающимся, что дело не в том, чего мы ждем от жизни, а в том, чего она ждет от нас. Говоря философски, тут необходим своего рода коперниканский переворот: мы должны не спрашивать о смысле жизни, а понять, что этот вопрос обращен к нам – ежедневно и ежечасно жизнь ставит вопросы, и мы должны на них отвечать – не разговорами или размышлениями, а действием, правильным поведением. Жить, в конечном счете, – значит нести ответственность за правильное выполнение тех задач, которые жизнь ставит перед каждым, за выполнение требований дня и часа. Эти требования, а вместе с ними и смысл бытия, у разных людей в разные мгновения жизни разные. Следовательно, вопрос о смысле жизни не может иметь общего ответа. Жизнь, как мы ее здесь понимаем, не есть нечто смутное, расплывчатое, она конкретна, как и требования ее к нам в каждый момент тоже весьма конкретны. Эта конкретность свойственна человеческой судьбе: у каждого она уникальна и неповторима. Ни одного человека нельзя приравнять к другому, как и ни одну судьбу нельзя сравнить с другой, и ни одна ситуация в точности не повторяется – каждая призывает человека к иному образу действий. Конкретная ситуация требует от него то действовать и пытаться активно формировать свою судьбу, то воспользоваться шансом реализовать в переживании (например, наслаждении) ценностные возможности, то просто принять свою судьбу. И каждая ситуация остается единственной, уникальной и в этой своей уникальности и конкретности допускает один ответ на вопрос – правильный [2, с. 293].

Ключевым показателем наличия личностного смысла является осмысленность жизни. Осмысленность жизни определяется как осмысленность прошлого, настоящего и будущего, как наличие цели в жизни, как переживание индивидом онтологической значимости жизни.

В условиях развивающегося процесса дегуманизации, когда люди теряют прежние смыслы, возникает ситуация, которую Э. Дюркгейм обозначил термином «аномия», а В. Франкл называет экзистенциальным вакуумом. В связи с этим необходимо уточнить понятия «аномия» и «экзистенциальный вакуум». Как известно, понятие аномии ввел в социологию Э. Дюркгейм, определяя его как негативное отношение индивидов к нормам и ценностям существующей системы. По Дюркгейму, аномия проявляется в состоянии общества, при котором у его членов утрачена значимость социальных норм и ценностей, а также отсутствие у людей эталонов сравнения, социальной оценки своего поведения. Аномия проявляется в разрыве между социальными целями и социально одобренными средствами их достижения. Традиционные религии, выступая в качестве фактора, повышающего сплоченность и солидарность группы, снижают риск аномии среди членов религиозной группы. Кризис тра-

диционного религиозного мировоззрения также может стать причиной аномии, которая в этом смысле означает утрату значимости традиционных социальных норм и ценностей. Старые эталоны сравнения, критерии социальной оценки поведения перестают работать, что приводит к кризису социальной и культурной самоидентификации, потере сложившейся ранее групповой солидарности.

Аномия как экзистенциальный вакуум характеризуется отсутствием содержания и цели в жизни, чувством пустоты и бессмысленности жизни. В этой ситуации перед человеком стоит экзистенциальный выбор: оценивать мир и свое место в нем с позиции утилитаризма или в перспективе «высшего сознания», т.е. духовной рефлексии. Этот выбор, по Франклу, принимает форму выбора ценностей. Ценности формируются в субъектно-объектных отношениях, они выражают смысловую позитивную значимость объекта для субъективного бытия. Причем объект может находиться в пространстве природного мира, мира культуры или в виде различных форм внеприродного, иллюзорного, создаваемого фантазией бытия. Таким образом, в ценностях наиболее важным, существенным является отношение значимости.

Ценности выступают важным связующим звеном между обществом и внутренним миром личности. На основе базовых ценностей формируются культурные смыслы. Смысл соотносит любое явление, любой предмет с человеком: если нечто лишено смысла, оно перестает существовать для человека. С точки зрения психологии, осмысленная ценность приобретает для человека значимость личностного смысла. В современной психологии и этике широко оперируют понятием «личностные ценности». Личностными ценностями становятся те смыслы, по отношению к которым субъект самоопределился. Конструктивная роль личностных ценностей наиболее явно выступает при интерпретации «моральных решений» и процессов личностной регуляции принятия решений (интеллектуальных, поведенческих и т.д.). В них субъект реализуется на уровне целостного Я, предполагающего сознательный и ответственный выбор не только в плане внешне заданных альтернатив, но и в плане достигнутого потенциала саморегуляции как внутренней динамики движения мотивов, целей и смыслов. Личностные ценности являются специфической формой функционирования смысловых образований в личностных структурах.

Отсутствие смысла порождает у человека состояние, которое Франкл называет экзистенциальным вакуумом. Экзистенциальный вакуум характеризуется отсутствием содержания и цели в жизни, чувством пустоты и обесмысленности жизни, что, по мнению Франкла, является причиной, порождающей в широких масштабах специфические «ноогенные неврозы», распространившиеся после Второй мировой войны в странах Западной и Восточной Европы и в еще больших масштабах в США. Средством бегства от экзистенциальной фрустрации могут выступать различные суррогатные средства преодоления экзистенциального вакуума. Так, если первоначальная забота об осуществлении смысла

фрустрирована, то индивид стремится к удовлетворению карьерным ростом, высоким статусом и престижем. Как известно, статус в социальном аспекте – это значимость личности в социальном и межличностном взаимодействии. Статус – это ценностный феномен, и как всякий ценностный феномен имеет объективно-субъективную природу. Объективно статус связан с оценкой положения личности в различных (конкретных) структурах социума. Этот социальный аспект статуса изучает социология. Статус в структурах социума порождает ролевые ожидания. И это явление объясняет социологическая теория ролей. Однако более важным для личности является субъективный аспект статуса, в котором последний предстает как оценка личностью своей значимости, т.е. места роли в социальном взаимодействии, включающей в себя и субъективное представление как окружающие люди, социум оценивают твой статус. И уже на основании личностной оценки статуса формируются личностные роли. В психологическом аспекте статус – это смысл значимости позиции личности в обществе для нее самой. Следует иметь в виду, что оценка значимости позиции личности в социуме, проявляющаяся в межличностном взаимодействии, и оценка значимости позиции личности в обществе для нее самой могут существенно не совпадать. Иногда личность чувствует это несоответствие. Однако для нее важнее собственная оценка и она переживает свой статус в собственной оценке. Таким образом, статус можно определить как переживание личностью своей позиции в социуме (в социальном и межличностном взаимодействии). Обладание высоким статусом для многих индивидов выступает не как средство решения общественно значимых задач, а как самоцель. Достигнув высокого статуса, личность удовлетворяется переживанием своего фантома и таким образом решает для себя смысложизненную проблему.

Воля к власти служит аналогичной и параллельной цели. Одна из форм, которую принимает воля к власти, – это стремление к богатству в разных видах, в том числе и стремление к деньгам. Если стремление к богатству берет верх, то стремление к смыслу заменяется стремлением к средствам. Престиж, власть, деньги, вместо того чтобы оставаться средством, становятся целью. Они перестают служить какой-либо цели. Большинство людей, владеющих большими деньгами, на самом деле находятся в зависимости от их власти, охвачены стремлением приумножить их. Таким образом, деньги уничтожают смысл. Обладание деньгами должно означать, что индивид находится в таком благоприятном положении, что может жить относительно свободно, не обращать внимание на средства, но ставить и различные жизненные цели, реализации которых должны служить деньги.

Широкое распространение в современном западном обществе получила суррогатная форма замещения в виде похоти. С научной точки зрения похоть – это гипертрофированное стремление к получению различного рода удовольствий (наслаждения), жажда этих удовольствий. Похоть связана с подчинением всего мира личности тому или иному инстинкту или ценностной установке. Иными словами, похоть – это власть

над личностью порабощающих стремлений, желаний, влечений. Находящийся под ее властью человек не владеет собой, напротив, им владеют его влечения. Среди различных форм выражения похоти особо значимы для многих индивидов похоть желудка и плотская. Первая проявляется в обжорстве. Плотской похотью чаще всего называют необузданное, неконтролируемое или безудержное половое влечение.

В обыденной речи плотская похоть обозначается словом «распущенность», тем самым подчеркивается, что человек «распустил» себя, не контролирует свое поведение, эмоции и поступки в соответствии с нормами морали. В патологии – это нервно-психическая болезнь – сексоголизм. Сексоголик полностью подчинен похоти: весь внутренний мир личности сексоголика подчинен установке получить половое удовольствие в любой форме секса. Однако чаще всего до патологического состояния, до болезни в полном объеме дело не доходит. С медицинской точки зрения можно даже говорить о похоти как норме – плотской похоти в виде гипертрофированного стремления к получению половых удовольствий (наслаждения) через секс или жажды сексуальных наслаждений, потакания половому инстинкту, бесконтрольного подчинения личности половому инстинкту, чтобы получить сексуальное наслаждение. Иными словами, плотская похоть в этом контексте – это власть над личностью полового инстинкта.

Однако обнаруживается проблема, связанная с интерпретацией природы похоти, которая требует ясности в вопросе взаимодействия похоти и полового рефлекса, полового влечения. Существует позиция, главным образом разводящая эти феномены. Половое влечение – один из основных рефлексов человека, не менее важный, чем пищевой рефлекс или рефлекс безопасности. Половое влечение – комплекс желаний и связанных с ними переживаний, имеющий в своей основе биологические инстинкты, направленные на воспроизведение жизни, включает стремление к половой близости, выраженность и направленность которого определяются генетическим набором хромосом, диэнцефальным отделом мозга, развитием желез внутренней секреции и формированием условно-рефлекторных комплексов под влиянием индивидуального психосоциального опыта. Сексуальное желание может рассматриваться на двух уровнях – осознанном (управляемым корой головного мозга) и бессознательном (управляемым гормонально). Для обозначения второго в психоанализе часто используют термин «либидо», который в обыденной речи используется как синоним для замены слов «половое влечение». Либидо человека сильно зависит от выработки мужского гормона тестостерона. Без тестостерона нет либидо. Иногда под половым влечением ошибочно понимают исключительно желание полового сношения (похоть плоти). Похоть плоти – это состояние сознания, рождаемое от сексуальной неудовлетворенности и невозможности реализации полового влечения. Однако проблемы экзистенциальной фрустрации возникают не просто от сексуальной неудовлетворенности, так же, как в случае импульсивного переедания, проблема не просто в еде. Еда и секс – естест-

венные функции; истинная проблема обоих этих пристрастий в том, что мы называем похотью: это установка, требующая, чтобы естественные инстинкты служили неестественным желанием. Индивид создает в своей психике неестественный аппетит, который использует естественный инстинкт не по назначению. Он не просто более интенсивен, чем естественный, но превращается в нечто совершенно другое. Прием пищи и секс переходят в иное измерение; в них появляется неестественный духовный компонент. Таким образом, зависимость – от похоти, а не просто от вещества или физического акта. Похоть – само отношение – становится контролирующей силой зависимости индивида. Неестественное применение естественного полового инстинкта снова и снова делает индивида все более и более чувствительным к пусковым механизмам этой привязанности, вплоть до того, что одна мысль или взгляд начинает приводить его к неконтролируемому поведению. Похоть плоти – это бесполезная, более того, вредная для организма и для личности в целом, истощающая жизненные силы растрата энергии, снижающая творческий потенциал, возможности конструктивного самовыражения, самоутверждения личности. Для сексоголика похоть токсична.

Культивирование похоти можно рассматривать как средство обретения власти над личностью. Власти кого? С определенной долей уверенности можно сказать, что власти конкретной женщины над мужчиной. Женщина своим поведением стимулирует его желание обладания ею, тем самым ставя в зависимость от себя. Очень часто женщина получает власть над мужчиной, может манипулировать им в разных сферах для удовлетворения своих потребностей или обеспечения своих интересов. Карел Войтыла, Римский папа Иоанн Павел Второй, большой специалист в проблемах, считал, что похоть меняет объект любви на иной объект. В нормальных отношениях объектом любви является личность, духовный мир другого человека. Похоть меняет объект любви на «плоть и пол». В случае доминирования похоти отношения любви претерпевают трансформацию: чувство влечения, притяжения к другому относится уже не к личности, не к духовному миру другого человека, а только к его «плоти и полу».

Однако эти суррогатные, замещающие подлинные смыслы цели не решают полностью проблему заполнения экзистенциального вакуума и со временем приводят личность к фрустрации. По нашему мнению, только выбор духовной перспективы и свободное волеизъявление в свете высших ценностей придают человеку чувство собственного достоинства и возможность оценить свое высокое предназначение в мире. Согласимся с мнением Эриха Фромма, что человеческое бытие по своей сущности – это рефлектирующее и ответственное отношение к миру в свете высших ценностей. Фромм справедливо считал, что люди с богатым духовным миром определяют смысл жизни через трансцендирование, т.е. соотнесение с высшими, ведущими ценностями. В секулярном сознании это трансцендирование имеет не сакральное, а мирское содержание. Для некоторых в качестве ведущей духовной ценности может

выступать Познание, для других – Любовь, для третьих – Творчество, для четвертых – Свобода, для пятых – забота о благе Отечества. Ради этих ценностей люди способны переносить жизненные невзгоды и лишения, сознательно идти на самоограничения и даже жертвовать собой. Трансцендирование к духовным ценностям делает индивида самостоятельным, последовательным, не зависимым в действиях от случайных, равнодушных оценок. Человек, чуждый духовных ценностей, способен жить только сегодняшним днем. Его судьба зависит от прихоти случая и расхожих мнений, собственных пристрастий и капризов, и в целом его жизнь представляется бессмысленной.

Суррогатным, замещающим смыслы ценностям и идеалам считаем возможным противопоставить один из самых значительных идеалов, выработанных человечеством на протяжении истории его существования, а именно: «Царство Божие внутри нас». Этот идеал имеет огромную духовно-нравственную и прагматическую силу для людей нашего времени. В данной формуле главным является акцент на самосовершенствование человека, его нравственное и духовное развитие. Этот акцент в равной мере присущ и религиозной, и секулярной интерпретации «Царства Божия внутри нас». Сформулировав идеал таким образом, индивид отсекает от себя ценности: богатство, престиж и иные внешние блага. «Царство Божие» понимается в этой установке как внутреннее состояние души, согласие с самим собой, ощущение внутреннего душевного комфорта. В христианской культуре этот идеал впервые был сформулирован в Евангелиях от Матфея, Луки, Послании Павла Римлянам. В их трактовке решающую роль играет нравственная составляющая: Царство Божье в ней рассматривается прежде всего как духовное образование. Оно не от мира сего и не для мира сего. Это особое духовно-нравственное состояние человека, состояние святости. В теологии и богословии данная трактовка христианского идеала получила свое обоснование и развитие в спиритуалистической традиции. В католической и православной традиции святость рассматривается как особое высшее условие богообщения на основе свободной деятельности человека по совершенствованию в добродетелях, лучше всего достигаемое через аскетическое подвижничество.

В секулярном сознании эта установка означает признание личностью своей самоценности и самодостаточности. Личность с такой ценностной установкой ориентирована на саморазвитие, самореализацию, самоутверждение. В философии эта тенденция получила развитие в теории Гуссерля об эйдетической редукции, вынесения «за скобки» внешнего мира. Наиболее полно она реализована в экзистенциализме Сартра. Акцент на самосовершенствование человека, его нравственное и духовное развитие является важной стороной реализации Царства Божия как идеала. Не менее существенное значение в секулярной интерпретации имеет и тот аспект, что реализация духовно-нравственного идеала находится в наших руках. Царство Божие внутри, и его создание зависит только от нас. Можно даже считать, что формулирование подобным образом идеала означает установку на полную свободу. *Мое* счастье, ду-

шевный комфорт не зависят от внешних обстоятельств (несправедливого устройства мира и т.д.), а только от *меня*: *моих* оценок происходящих событий и *моих* установок по реагированию на них. Специфическими и серьезным образом отличающимися от религиозных являются средства реализации идеала «Царства Божия внутри нас». Эти отличия задаются иными мировоззренческими установками. Основоположник секулярного мировоззрения в Европе Б. Спиноза отождествлял природу и Бога. Для него Бог – это Природа, точно так же, как Природа – это Бог. В соответствии с такой мировоззренческой установкой, жить по Богу, строить «Царствие Божие внутри нас» означает жить по природе. Природа – главная сила, определяющая наше бытие в этом мире. Поэтому в своем стремлении к развитию, самореализации, самоутверждению человек должен опираться на силы и механизмы природы. И это требует от индивида изменения образа жизни так, чтобы он гармонизировал с механизмами Природы. Одна из главных целей реализации этого идеала стать свободным и самодостаточным человеком как в духовном, так в психическом и соматическом планах, стать полноценной личностью.

Итак, ситуация дегуманизации стимулирует людей на поиски смысла. Эти поиски могут носить разнонаправленный характер альтернативных практик обретения личностных смыслов. Одни из них носят суррогатный, замещающий подлинные смыслы характер, препятствуя самореализации личности, другие создают предпосылки для перспективного развития и самоутверждения. В качестве позитивной альтернативы мы считаем возможным противопоставить суррогатным ценностям один из самых значительных идеалов, выработанных человечеством на протяжении истории его существования: «Царство Божие внутри нас».

Литература

1. *Беляев М. А.* Системный анализ антропологического кризиса / М. А. Беляев // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2013. – № 1. – С. 3–16.
2. *Франкл В.* Человек в поисках смысла : [пер. с англ. и нем.] / В. Франкл ; под общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.

2014. № 3